

Улановский А.М.

ЧТО СТОИТ ЗА СТРОЧНЫМ «Я»? (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ Г. ХЕРМАНСА)

Мы не можем оставить без пояснения выбранный редакцией при переводе способ обозначения понятия «я», так как этот, на первый взгляд, незначительный орфографический нюанс имеет в данном случае принципиальное значение¹. Сегодня при обсуждении проблемы «я» многие из русскоязычных авторов по-прежнему предпочитают использовать заглавную букву написания слова: Я. Так, психологи часто пишут о внутреннем Я, подлинном или аутентичном Я и т.д. Несмотря на общепринятость, такое написание имеет один серьезный недостаток: оно в некотором роде мистифицирует понятие, превращая Я в какую-то исключительную сущность с не всегда понятной онтологией.

После М. Бахтина в русской философской литературе сложилась традиция использования обычного, строчного написания этого понятия: курсивом (*я*), или в кавычках («я»). Это снимает всевозможные метафизические прочтения понятия, которые навевает прописное «Я». Последнее в философском контексте отсылает нас, скорее, к классической трактовке Я, идущей от картезианства до неокантианства и феноменологии: к представлению о Я как о некоей *надэмпирической, трансцендентальной* инстанции, как о некоем монадическом образовании, замкнутом на самом себе. Диалогическая философия (в лице М. Бахтина, М. Бубера, Ф. Розенцвейга, О. Розенштока-Хюсси и др.) критиковала именно такое понимание и противопоставляла себя ему. Пониманию Я как некоей внутренней, духовной сущности, изолированной от мира, от других людей и собственного тела, внесоциальной, надъисторичной и надкультурной, диалогическая философия противопоставила понимание *я* как земного, мирского образования, связанного с другими людьми, диалогического, социального, историчного и культурного по своей сути.

¹ Мы хотели бы выразить признательность известному отечественному философу и исследователю творческого наследия Бахтина В.Л. Махлину, который обратил наше внимание на этот нюанс использования понятия «я» и дал ценные для нас замечания.

В целом строчное написание этого понятия отражает резкий поворот к *прозаизации* философского языка, который произошел в 30-е годы прошлого столетия и затронул практически все основные философские направления того времени — герменевтику, диалогическую философию, экзистенциализм, лингвистическую философию.

В связи со сказанным было бы не вполне уместным использовать в данном контексте заглавное написание: Я. Оно могло бы внести заметное противоречие в суть концепции, излагаемой Г. Хермансом, который сегодня в значительной мере отталкивается от понятий и представлений Бахтина, противопоставляя понятие диалогического *я* понятию Я в модернистской философии, восходящей к Декарту.